

ЛУЧШАЯ РОЛЬ МЕСЯЦА

Георгий
Бурков:

НЕ ТАЙНА, А ЗНАНИЕ

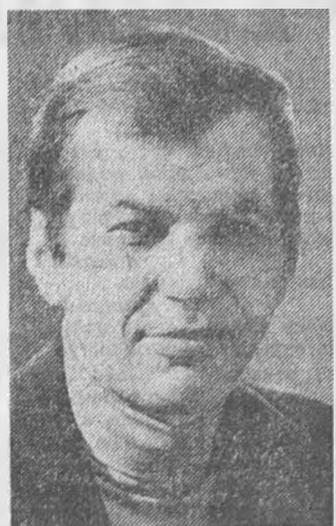
В июне пик зрительского интереса пришлось на две премьеры телеэкрана: советско-французский фильм «Жизнь Берлиоза» и картину творческого объединения «Экран» «Профессия — следователь».

Впрочем, что касается самой ленты «Жизнь Берлиоза», то она оказалась читателям «Советской культуры» далеко не безупречной: Н. Аюкова из Киева, Г. Фирсова из Ростова-на-Дону, В. Саньков из Ленинграда справедливо отметили ряд недостатков, хотя, как и Л. Судакова из Саратова, И. Угрюмова из Горького, М. Ермошкина из Куйбышева, признали, что тема картины, богатый биографический мате-

риал жизни выдающегося французского композитора и, конечно же, личность Берлиоза — все это приковало их к телеэкрану на несколько вечеров. Самой же большой удачей авторов этого фильма стал, по мнению зрителей, выбор на роль главного героя французского актера Даниэля Меэгиша. По просьбе читателей — С. Голубевой из Челябинска, Е. Гусева из Петропавловска, М. Вострухиной из Невсвижа, Р. Чернышовой и В. Савельева из Баланова, Л. Запранюк из Черновцов, В. Быкова из Кемерово, С. Колгашовой из Нижнего Тагила, В. Ладейщиковой из Москвы — редакция связалась с коллегами, работающими в Париже, и сей-

час материал о Д. Меэгише готовится к печати.

Лучшей в июне признана роль артиста Георгия Буркова, воплотившего на экране образ главного героя телефильма «Профессия — следователь». Среди многих зрителей, отдавших свои симпатии и голоса следователю Борису Ивановичу Антонову, — Г. Щербина из Запорожья, Б. Погорелов из Владимира, В. Риторова из Риги, О. Соколова из Омска, Ю. Федюшина из Златоуста, минчане Ю. Нестеров, Г. Самохвалов и А. Проскурина, Т. Рыбкина из Киева, москвичка Т. Михайлова, В. Ишутин из Пензы, О. Глаголев из Новосибирска.

Имя артиста театра и кино Георгия Ивановича Буркова достаточно известно, в особом представлении читателям он не нуждается. Стоит лишь вспомнить его героев — тихого жулика, выдающего себя за «конструктора» («Печки-лавочки»), или преследуемого жуликов незадачливого стража закона («Старики-разбойники») — и уже не можешь сдержать улыбку. «А тут вдруг новая роль — серьезный и положительный следователь, — пишет Г. Каблова из Ташкента, — и сразу такая удача». Ее поддерживает И. Евтев из Солнечногорска: «Режиссер А. Бланк пошел на риск, который, к счастью, увенчался успехом». Как же сам артист относится к тому, что за ним чуть ли не закрепилось амплу комического недотепы?

С Георгием Ивановичем Бурковым ваш корреспондент встретился в гримерной МХАТа в то время, как на сцене шла «Господа Головлевы». Его герой — Степка-балбес — умер к концу первого акта, но снимать костюм и грим было рано, поскольку артисту еще предстояло появиться на сцене через два с лишним часа в финале спектакля, когда в страшных предсмертных видениях Иудушки явственно проступит образ спившегося брата.

— Да, так получилось, — размышлял Бурков, — что я попал в какой-то капкан. Впервые четко понял это после кинофильма «Человек, которому везло». Ведь прочитав сценарий, я сразу решил: роль геолога Ипудина, конечно же, моя. Мягкий и добрый человек и земле какой-то родной — тихо живет и тихо умирает. Зрители, помня мои предыдущие роли, наверняка ждали, когда же наконец будет смешно. Этого не произошло... и фильм не заметили. Наверное, действительно одно время я как-то очень увлекся комедийной краской — сам себя ограничил и зрителя приучил воспринимать себя весьма определенно. На кого же мне теперь сердиться — сдаваться не надо! Вот К. Алексеев из Смоленска пишет: «В фильме «Профессия — следователь» он отменно справился со своей первой положительной ролью». Но мне кажется, что, напротив, «отрицательных» ролей я никогда не играл...

— А как же ваш ответный циник и уголовник Губа из «Калины красной»?

— Знаете, сейчас я готов признаться, что роль Губы давалась мне с большим трудом. Постоянно приходилось делать над собой усилие, и все равно без Шукшина я никогда бы не справился: уж очень точно Василий Макарович показывал. И вообще мое участие в этом фильме определила именно дружба с Шукшиным. Мы познакомились еще во время съемок его картины «Печки-лавочки» да так привязались друг к другу, что не могли расстаться и в работе над следующим фильмом, хотя роли в нем для меня не было.

Уже через несколько минут общения с Георгием Ивановичем понимаешь, сколько в нем этой искренней доброты, доброжелательства, обаяния. Кстати, и Василий Макарович однажды сказал: «Чем больше я

наблюдаю за Бурковым, тем вернее знаю: его главная черта — доброта». И еще: «В Буркове очень много от народных мастеров-умельцев». Даже склад речи особый — обстоятельный, плавный, но чуть-чуть лукавый, с какой-то заправитной смешинкой.

— Что же это такое — доброта? — задаю вопрос актеру.

— Мой отец был очень мягким человеком. Наверное, эта черта и мне досталась. Но иногда считают, что доброта и мягкость сродни беспринципности — я против такой доброты. Быть добрым — значит только одно: любить людей, предполагать в них наличие совести. Вы мне говорите, мол, я добрый, но есть вещи, которые я ненавижу: хамство, например. По моему, когда человек идет на какое-то поганое дело, он убеждает себя, что все люди вокруг дрянн и они ничего не стоят. Почему, скажем, Губа убивает Егора Прокудина? Из зависти. Сначала он думал, что Прокудин притворится, а потом вдруг понял: есть в этом человеке чувства, ему, Губе, недоступные. В эле самое страшное — самооправдание. И вдвойне страшно, когда оправданием недостойного человека занимается искусство. Сегодня на экране появляется много так называемых антигероев, и, увы, очень часто авторы этих картин как бы говорят зрителю: да смотрите, он такой потому, что... И приводят целую систему оправданий — короче, обстоятельства виноваты. Это, по моему, опасная позиция. Искусство должно будить в человеке совесть — тогда оно доброе. Вот моего следователя Бориса Ивановича коллеги упрекают: очень, говорят, ты добрый. Да, Антонов постоянно нацелен на добро, хотя по долгу службы ему приходится сталкиваться не с лучшей частью человечества. Но в нем живет высший для юриста закон: мало разоблачить и наказать преступника — надо достучаться до его совести, ограбить в нем добро. И Антонов до последнего этот закон отстаивает — тогда и зритель с интриги переключается на борьбу мировоззренную.

— Вот что написала Т. Соломонова из Латвии: «Бурков создавал, если так можно выразиться, антихоломовский тип следователя: это открытый, простой, участвующий человек».

— Такие отзывы, конечно, приятно слышать. Бывало и раньше, после других картин, я получал десятки благожелательных отзывов. Но теперь идут совсем иные письма: ко мне обращаются, просят о помощи, искренне рассказывают о себе. Чем же задел фильм? Помню, в молодости я детективы просто ненавидел, но вот как-то попала мне книга Шейнина «Записки следователя», и я увидел не погоню и перестрелку — был захвачен картиной эпохи (речь шла о нэпе). И сценарий Менд-жерницкого привлек меня тем же: острый сюжет растворен в самой жизни, напряжение не нагоняется искусственно — и тогда выходишь на проблемы нравственности, очень ясно осознаешь: в нашем обществе возмездие неизбежно.

— Но почему все-таки Антонов был воспринят так сочувственно и тепло? Д. Константиновой из Кривого Рога, напри-

мер, он показался таким потому, что «в нем нет ничего от «сверхчеловека», и он привлекает своей неброскостью».

— Специально я этого не играл, но ведь куда не денешься — я актер шукшинский. И с Василием Макаровичем мы сошлись, если можно сказать, на национальной, народной почве. Он постоянно размышлял о русском народном характере, о его загадке, потому и мостик перекинул в литературу XIX века. Мы сейчас много говорим о современном положительном герое и перечисляем: такой он должен быть и эдакий. Одно не всегда вспоминаем: корни его.

Неброскость героя тоже в традициях русского искусства, которое всегда раскрывало нравственную силу и напряженную духовную жизнь человека обыкновенного. Я никогда не играю людей исключительных, напротив, беру как бы человека из толпы и показываю, чем он интересен. Не люблю, когда герой или актер, его воплощающий, возвышается над зрителями. По моему, надо всегда предполагать в зрителе ум и талант, если не больший, чем твой, то равный — тогда и рождается подлинный контакт. Особенно это важно на телевидении — оно не только массовое искусство, но и, если хотите, «обязательное». И ответственность больше, и разговор шире — на «элитарность» актер здесь просто не имеет права.

— Интересное письмо в редакцию «Советской культуры» прислал юрист И. Щерстнев из Бутулы. Сетует на то, что во многих детективах встречаются неточности и нарушения в правилах ведения следствия (Щерстнев приводит убедительные примеры), он отмечает, что «картина «Профессия — следователь» — случай противоположный, здесь нет ни одной ошибки, все профессионально грамотно». Автор письма благодарит консультантов фильма, не зная, что и вы, Георгий Иванович, тоже отчасти его коллега.

— Ну, коллега — это некоторое преувеличение, хотя действительно, как ни странно, на юриста я учился больше, чем на актера. Дело было так: несколько лет подряд не поступил ни в один театральный или кинематографический вуз. Однако же с детства была потребность играть, желание входить в роли не давало покоя. Когда не получилось с актерством, решил стать режиссером. К искусству всегда относился серьезно и понимал, что режиссеру необходимы жизненный опыт, глубокие знания и образование, которое дает главное — мировоззрение. Конечно, в юности неудачи расстраивали, но сейчас я рад, что оттянул время, что на сцену и съемочную площадку я пришел взрослым человеком, знающим, что не спасает ни звание, ни положение и ежедневно свое право на роль, на внимание зрителей надо доказывать. Годы на юридическом факультете Пермского университета не прошли даром, ибо, какой бы тайной ни было актерское ремесло, оно невозможно без знания природы человека, понимания мотивов его поступков. На юрфаке я сам составил для себя программу, куда, помимо обязательных дисциплин, входило ежедневное

чтение русской классики. У меня было даже такое правило: переписывать в день по три странички — и до сих пор храню еще в те годы переписанное от руки пятнадцатитомное собрание сочинений Пушкина. Тогда, переписывая, я понял и волшебство слова Лескова, поразила его удивительно глубокому и, я бы даже сказал, бесстрашному знанию человека.

Актер сам себя называет «книгочеем», и многие режиссеры, зная вначале простоватых персонажей Буркова, столкнувшись с ним на съемочной площадке, сразу отмечали высокую культуру Георгия Ивановича, его подлинную интеллигентность, образованность. И при этом поразительная органика! — воскликнул как-то Э. Рязанов. Впрочем, как только дело касается актерского таланта, тут же все объясняют этой таинственной «органикой».

— Что же стоит за этим словом?

— По моему, «органика» — это и есть глубокое знание людей и жизни, — говорит Георгий Иванович. — Я не понимаю режиссера, который начинает работу с поиска внешнего рисунка роли и говорит актеру: давайте попробуем встать так или эдак. Если даже я играю эпизодическую роль, мне необходимо до конца чувствовать своего героя, до конца понимать его. Если точно угадываешь какую-то черту характера персонажа, она уже твоя. Например, у Шукшина было поразительное умение проникнуть в душу, изуродованную злом, понять неправое — потому так и потрясает «Калина красная». Есть вещи, которые сыграть невозможно — к ним можно лишь прикоснуться. Например, смерть: представьте себе оголенный провод — к нему можно лишь прикоснуться... Актера можно уподобить врачу: он должен помогать зрителю, давать ему знания о себе. Ведь человек — это очень тонкий инструмент. Иногда я строю роль на вещах, которые называю для себя «стыдными»: вот, например, говорит человек сам с собой, а его застали, услышали — ему невкусно. Помню, как в детстве плакал, когда понял, что родители когда-нибудь умрут, помню чувство страшной, непоправимой беды. Я знаю какие-то тайны в себе, знаю, что так бывает у других, и рассказываю об этом со сцены, с экрана. Может быть, память сердца — это и есть «органика»?

Уже долгие годы Георгий Иванович всевозвездно думает о собственных постановках. Об этом знал еще Шукшин и свою повесть «До третьих петухов» написал специально для театра, для режиссерского дебюта Буркова. Однако путь в режиссуру оказался для него таким же долгим, как и в актеры.

— Я везде запаздываю, — улыбается Георгий Иванович на прощание, — думал, не выйдет из меня актера — решил стать режиссером. Потом казало: ну, немного побуду лицевеем — и вот до сих пор задержался. Теперь тянет писать — наверное, самое время заняться режиссурой.

Беседу вела
Е. ЧЕКАЛОВА.

Фото В. Плотникова.